

Н. С. АРСЕНЬЕВ

О Евхаристии

<Фрагмент>

2

Подобно Православной Церкви, Католическая с трепетом созерцает великое милосердие и снисхождение Бога, открывшееся в воплощении Сына Божия, созерцает как в молитвах церковного годового круга, так и в Таинстве Евхаристии. Так к празднику Рождества Христова подготавливает она своих верных в течение четырех недель Адвента молитвами и песнопениями, выражающими томление всего мира и чаяния и надежды ветхозаветных пророков, устремленные к грядущему в мир Христу.

Это как бы зов всего человечества, зов Церкви к страстно ожидаемому Искупителю мира: «*Veni ad liberandum nos, Domine Deus virtutum. Veni. Ostende faciem tuam, et salvi erimus, Domine Deus virtutum*» («Прииди избавить нас, Господи Боже сил. Прииди! Яви лице Твое, и будем спасены, Господи Боже сил»)...

Рождество Христово. За утренней провозглашается торжественно: «Христос родился нам. Приидите, поклонимся» («*Christus natus est nobis. Venite, adoremus*»).

Другой кульминационный пункт церковного года — Страстная Седмица и особенно Великая Пятница. С трепетом повергаются верующие перед крестом Христовым, который священник торжественно выставляет для поклонения:

*Ecce lignum Crucis, in quo salus mundi pependit.
Venite adoremus¹.*

А затем священник, по очереди с диаконом и субдиаконом, возглашает ряд стрóf, в которых изображено, как Господь с укоризной обращается к иудеям:

Popule meus, quid feci tibi? Aut in quo contristavi te? responde mihi.
Quia eduxi te de terra Aegypti: parasti Crucem Salvatori tuo...

(«Народ Мой, что сотворил Я тебе? Или чем огорчил тебя? Отвечай Мне. За то, что Я извел тебя из земли Египетской, ты уготовал крест Спасителю своему»). И т. д.

А хор отвечает пением Трисвятого (по-гречески и по-латыни). Эти стихословия заимствованы Западной Церковью с Востока. Вспомним в православном богослужении Страстного пятка: «Сия глаголет Господь иудеом: людие мои, что сотворих вам? или чем вам стужих?.. Людие мои, что сотворих вам? и что ми воздаете? За манну желчь; за воду оцет; за еже любити мя, ко кресту мя пригвоздисте»...

Праздник Пасхи — Воскресение Христово — гораздо менее торжествен в католичестве, чем в Православной Церкви, гораздо меньше играет роли в католическом благочестии.

Центром же религиозного созерцания в гораздо большей мере, чем Воскресение Христово, являются для католичества крестные муки Христовы.

В Православном благочестии созерцание креста и воскресения, унижения и славы Господа неразрывно и органически связаны друг с другом. Так же верует и Католическая Церковь, но в действительности она больше сосредоточивает свой взор на унижении и муках Сына Божия. Но во всяком случае общехристианским, глубоко христианским, глубоко сродственным и нам, православным по духу, является это благоговейное преклонение перед крестом и муками Господними, перед Господом, висящим на древе крестном, этим вдохновляющим источником *всей жизни христианской* (срв. уже у ап. Павла: «Я решил ничего не знать, кроме Иисуса Христа, и при том распятого»), это поклонение страдающему Господу, вылившееся в умиленных песнопениях латинской Церкви и запечатленное в жизни великих праведников и святых ее. Это принадлежит к общей сокровищнице христианства, и мы можем с благоговейной любовью питаться от этого общего достояния нашего и поэтому услаждаться и назидаться высокими проявлениями молитвенной жизни и христианского Запада. Перед крестом Христовым смолкает рознь.

Некоторые средневековые латинские гимны, созерцающие страдания Христовы, сделались особенно излюбленным выражением религиозных чувств самых широких кругов верующих в Католической Церкви. Один гимн, произведение великого религиозного поэта

средневековой Италии — францисканца фра Якопоне да Тоди, вдохновивший целый ряд выдающихся композиторов, один из высших перлов религиозного песнотворчества Средних веков и вообще религиозного песнотворчества христианского Запада, рисует Матерь Божию, стоящую у креста распятого Сына; это изумительный «Stabat»²:

Stabat Mater dolorosa
 Juxta crucem lacrimosa,
 Dum pendebat filius,
 Cuius animam gementem,
 Contristantem ac dolentem
 Petransivit gradus.

O quam tristis et afflicta
 Fuit illa benedicta
 Mater Unigeniti!
 Quam dolebat et maerebat
 Et tremebat, dum videbat
 Nati poenas inclyti...
 И т. д.

Мать стояла в день рыданий,
 У креста, полна страданий,
 Пока Сын висел на нем,
 И душа ее больная,
 Содрогаясь и стелая,
 Прободалась острием.

О сколь скорбной, сколь печальной
 Была Мать в сей миг прощальный,
 Мать, родившая Его!
 Как страдала и рыдала,
 И, рыдая, созерцала
 Муки Сына Своего...

Другой, не менее известный и распространенный, глубоко умиленный средневековый латинский гимн (произведение Арнульфа Левенского в XIII в.) является поклонением язвам Висящего на кресте Господа, изъязвленным частям тела Его:

Salve, Caput cruentatum...

«Привет тебе, окровавленная глава, венчанная тернием, израненная, избитая тростью, с лицом, покрытым плевками!..»

Конечно, созерцание мук Христовых могло иногда в католическом благочестии переходить в чрезмерное, может быть, подчеркивание физической, внешней стороны страдания, в подробное (чуждое евангельскому рассказу) изображение частностей истязаний (так в некоторых средневековых памятниках: «*Meditationes vitae Christi*», приписывавшихся Бонавентуре, «Видениях» Бригитты³ и др.), в старание воздействовать на благочестивую фантазию, даже на нервы верующих, поразить, потрясти, иногда не только религиозной стороной, но и физическим ужасом боли и агонии. Получалась в результате иногда нездоровая, болезненная возбужденность, причем религиозно-нравственный, просветленный смысл добровольных мук Христовых иногда до известной степени затемнялся преимущественным сосредоточением мысли на физической стороне Голгофской жертвы. Это нередко порождало истерию (о чем повествуют нам, например, некоторые средневековые монастырские хроники). Но из того же созерцания мук Христовых рождались и рождаются и высоко-умилительные и назидательные плоды благочестия. Из этого основного стержня всей жизни христианской вырастала, как мы знаем, и жизнь великих святых. Так вся вдохновенная и поразительная жизнь Франциска Ассизского есть жизнь любви к распятому и бедному и уничиженному Христу, дышет подъемом, и пожирающим преизбыточествующим пламенем любви ко Христу.

И Западные великие святые, точно так же, как и святые нашего Православного Востока, глубоко восприняли в свою душу этот основной опыт христианский — опыт уже ап. Павла: «Мне же да не будет чем хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым мир для меня распят и я для мира».

Исключительное по значению место в жизни благочестия, в процессе освящения человека, как и в жизни общения церковного, занимает Таинство Евхаристии⁴. С благоговейной любовью устремляет на него верующий католик свои взоры, и здесь он брат наш по духу. Для Католической Церкви, как и для Православия, Таинство Евхаристии есть центр жизни церковной. Это есть высшее выражение соединения земного с небесным, освящение земного и тварного, тварные (начаток твари, согласно учению Иринея Лионского) хлеб и вино становятся истинным Телом и Кровию Сына Божия. Так молится Господу, сокровенно, но истинно присутствующему в Дарах, Фома Аквинат, учитель средневековой Западной Церкви:

«Я благоговейно поклоняюсь Тебе, сокрытое Божество, Которое под этим внешним видом истинно сокрыто присутствуешь. Тебе всецело покоряется мое сердце, ибо, созерцая Тебя, оно преобезжено...

Я не зрю, подобно Фоме, язв Твоих, однако я исповедую, что Ты — мой Господь. Сотвори так, чтобы я все больше в Тебя веровал, на Тебя надеялся, Тебя любил.

О, милосердный, кровию Своею питающий нас, Господи Иисусе, очисти меня нечистого Кровию Твоею, одна капля коей может весь мир искупить от всякого прегрешения» *.

Франциск Ассизский не находит достаточных слов, чтобы выразить благоговейное преклонение свое перед бесконечным снисхождением Божиим в Таинстве Евхаристии: «Вот, Он ежедневно смиряется подобно тому, как Он смирил Себя, когда снизошел с Царского Престола Своего во чрево Девы; ежедневно снисходит Он из лона Отца на алтарь в руки священника...

О возвышенное смирение! О смиренная высота! Владыка мира, Бог и Сын Божий, настолько уничижает Себя, что для спасения нашего скрывается под смиренным видом хлеба».

Вполне понятно и естественно, что одни и те же евангельские слова — слова сотника, вспоминаются верующими, приступающими к Причастию, и в Католической Церкви, и у нас: «*Domine, non sum dignus, ut intres sub tectum meum: sed tantum dic verbo, et sanabitur anima mea*». «Несмы доволен, Владыко Господи, да внидеши под кров души моя: но понеже хочещи Ты яко Человеколюбец жити во мне, дерзая приступаю»... (Молитва 6-я св. Иоанна Златоустого).

В подробностях, или, вернее, во внешних чертах, евхаристической доктрины есть у нас некоторое различие с католиками (некоторая схоластичность изложения этого таинства веры у католиков, чуждая мистическому чувству Православной Церкви, которая сознает особенно ярко неисследимость тайны Божией, недоступной попыткам рационалистического или квазирационалистического,

---

* Adoro de devoto, latens Deitas,
Quae sub his figuris vere latitas,
Tibi se cor meum totum subicit,
Quia te contemplans totum deficit.

...

Plagas sicut Thomas non intueor,—
Tamen Deum meum te confiteor,
Fac me tibi semper magis credere.
In te spem habere, te diligere.

Pie pellicane, Jesu Domine,
Me immundum munda tuo sanguine
Cuius una stilla salvum facere
Totum mundum quit ab omni scelere...

схоластического объяснения). Также и в самом совершении таинства есть у нас различие с католиками Западного обряда: у католиков нет епиклезы, т. е. призывания Духа Святого (по-видимому, она была в римской мессе, но выпала или, вернее, совершенно поблекла и совершенно потеряла свое значение, будучи отодвинута на второстепенное место и не ощущается более как центральный момент или хотя бы один из центральных моментов евхаристического канона); далее с XII века миряне лишены чаши, т. е. приобщения Крови Христовой; употребляются опресноки, а не квасный хлеб. Далее народ церковный менее принимает участия в совершении литургии у католиков, чем в Православной Церкви: он больше безмолвствует, вполголоса отвечает за него священнику министрант (причетник) — у нас он громко отвечает иерею устами хора; совершение литургии в Православной Церкви носит более *соборный* характер, согласно всему облику нашей Церкви. А главное, может быть, различие состоит во внесении юридического начала «счета» и «зачета» отчасти даже и в совершение Великого Таинства; отсюда масса частных обеден (*missae votivae*), совершаемых скороговоркой, одна за другой на одном и том же престоле одним и тем же священником или же одновременно несколькими священниками на нескольких престолах в разных капеллах того же храма: ибо чем больше по счету совершено месс, тем больше благодати, тем больше внесено святости в мир и оказано помощи страждущим душам. Впрочем, и некоторыми благочестивыми и просвещенными католиками ощущается это иногда как нечто не соответствующее величию Таинства и как отпадение от более благоговейной, менее внешней древней практики, не знавшей многочисленных частных месс*; срв. старания некоторых представителей «Литургического движения» повлиять в смысле возвращения к этой более древней литургической практике церковной.

Есть далее в католичестве и некоторые новые формы евхаристического культа: выставление Запасных Даров на предмет постоянного поклонения верующих в одном из пределов храма («*adoration perpetuelle*») и Праздник Тела Господня. Но основы евхаристического культа (если отвлечься от частой в католичестве внешне-схоластической разработки теоретического учения, рационализирующей до известной степени тайны веры, и от принципа внешне-количественного *счета*) общи у нас с католиками. Это — таинство, в котором с пре-

---

* Так, еще Франциск Ассизский был против обычая многочисленных частных обеден: в каждом францисканском монастыре должна быть лишь одна обедня ежедневно для всей братии (Epist. ad capit. gen. 3).

имущественной силой раскрывается снисхождение Божие и возведение человека: «*quanti tremore istud divinum et coeleste sacrificium est celebrandum... ubi imma summis, terrena divinis junguntur*» (срав. напр. в «Последовании перед причащением Православной Церкви»: «...Оле страшного таинства! Оле благоутробия Божия. Како Божественнаго Тела и Крови, брение, причащаюся и нетленен сотворяюся!»).

И в других таинствах Католическая Церковь, как и наша, видит освящение Земного Вышним — силою Духа Святого, просветление и преобразование жизни человеческой в ее различных проявлениях.

И церковный обряд, и церковная молитва освящают жизнь, всю ткань ежедневной жизни — работу, еду, отдых, путешествие, учение, также и главные предметы обихода и внешнюю среду жизни и работы человека: поле, которое он обрабатывает, дом, в котором он живет, — и смерть человека. И в этом освящении всей ткани жизни нашей, всех основных, обычных звеньев жизни нашей молитвой и благословением Церкви, мы сходимся с католиками. Это есть атмосфера постоянной молитвы, которой учит нас Церковь.

3

Отсюда — из молитвенного созерцания и участия в таинствах — вытекает и жизнь христианского подвига, христианской святости. Центр ее один — и на христианском Западе, и на христианском Востоке: Христос, Сын Бога Живаго. «*Non pluribus indigeo, fili: scio Christum pauperum, crucifixum*» («Мне большего не нужно, сын мой: я знаю Христа бедного и распятого»), — говорит Франциск Ассизский на одре предсмертной своей болезни, выражая в этих словах всю суть духовной жизни своей; так уже ап. Павел говорил про себя: «Я решил ничего не знать, кроме Иисуса Христа, и притом распятого». Это — центр, и основа, и источник, и предмет трепетного созерцания и горящей любви, вплоть до отдания себя. Христос есть принцип всей внутренней духовной жизни для великих святых и Востока и Западе. «Ему подобает расти, мне же — умаляться» — в этом все содержание высот этой духовной жизни и на христианском Западе. На горе Альвернской Франциск Ассизский все снова и снова повергает себя ниц перед Богом в неослабной молитве в течение долгих часов, и вся молитва его сводится к следующему возгласу: «Кто — Ты, о сладчайший Бог мой, и кто — я, жалкий червь и ничтожный Твой раб?» («*Quid es tu, dulcissime Deus meus, et quid sum ego, vermiculus et parvus servus tuus?*») Безмерное, всепревосходящее величие, безмерность изливающейся любви

Его — и ничтожество человека. В этом противоположении, в этих двух полюсах дано все. Его святость и — наша греховность, наша немощь, наша малость. Это и есть глубина смирения святых, что они видят эту основную правду: себя пред лицом Бога — на христианском Западе так же, как и на христианском Востоке. Соединение смирения и любви, и склонение перед Ним, и непрестанный вопль сердца, и сораспятие Ему, и отдавание Ему воли своей, и отвержение себя, и радость и мир о Нем — вот стихия христианской жизни, осуществляющаяся в великих праведниках и Западного христианства — Франциске Ассизском, Екатерине Генуэзской, Юлиании из Норвича, St. Vincent de Paul, Le Cure d'Ars, Charles de Foucault и многих, многих других. Отдание Ему воли своей и всей жизни своей! «Я отдала ключи дома своего Божественной Любви (io havevo dato le chiavi della casa all' Amore), — говорит Екатерина Генуэзская, — с полным разрешением ей делать со мною все, что она найдет нужным, не обращая внимания ни на душу, ни на тело, ни на мир»... «Поэтому я уж не забочусь о себе и доволен всем, что бы со мною ни приключилось», — читаем у Герлиха Петерсена (фламандский мистик начала XV века). Он с радостью принимает все, что имеет дозволение прийти на меня от Владыки моего, Которому я всецело предал и жизнь мою, и смерть, и все, чем я есмь и чем быть могу во времени и вечности — *cui resignavi vitam meam et mortem et totum quod sum et esse possum in tempore et aeternitate*. (Срв. у Исаака Сирина: «Смирennemудрый не смеет и Богу помолиться, или просить чего-либо, и не знает, о чем молиться: но только молчит всеми своими чувствами, ожидая одной милости и того изволения, какое изыдет о нем от лица достопоклоняемого Величества».) «Сыне, оставь себя и найдешь Меня», — слышит такая душа вместе с Фомой Кемпийским. Христианские великие святые и мистики Запада суть истинные братья по духу великих святых христианского Востока.

Деятельная любовь к братьям — умилительная, до отдания себя (срв., напр., в наши уже времена о Дамиана Вестера, отдавшего себя, в конце XIX века, на служение прокаженным!) вытекает из центра христианской жизни — любви к Спасителю нашему и молитвенного созерцания. Ибо из укоренения в любви, в Том, кто есть Любовь, вытекают и плоды любви. Каким-то избытком, каким-то восторгом, какой-то безмерностью любви к ближнему и смиренного любовного служения ему дышат рассказы о Франциске Ассизском (у него же безмерная любовь и сострадание ко всей твари во Христе, как и у Исаака Сирина) и об его учениках, или, напр., жизнь St. Vincent de Paul, или св. Елизаветы Тюрингенской (Венгерской⁵, или вся пастырская деятельность смиренного сельского священника начала XIX века —

cure d'Ars, или этого апостола диких племен пустыни — отшельника Шарля Фуко, и многих других подвижников на пути служения страждущим и «малым сим». Ибо из укоренения в любви в Том, Кто есть Любовь, вытекают и плоды любви. Родственным и близким духом, духом ап. Иоанна, больше — духом Господа нашего веет из этой жизни любви, укорененной в Господе. Здесь христианский Восток и христианский Запад — братья, близкие, кровные братья во Христе, и мы можем лишь радоваться обилию благодатных плодов христианской любви к Богу и ближнему, раскрывшихся на Западе в жизни святых его. Это — *один* дух, общий нашим великим святым и их святым, дух Христов.

